

НАУКА и РЕЛИГИЯ

6/2023

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

**«НОВАЯ ЖИЗНЬ»
ВОДОРОДА**

**ВЫСОКИЕ ИДЕАЛЫ
ЮНОШЕСТВА**

НАУКА И РЕЛИГИЯ

6/2023 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован Министерством печати и информации РФ.
Регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-75644 от 23 мая 2019 г.
УЧРЕДИТЕЛЬ и ИЗДАТЕЛЬ — ООО «Эверест»

Издаётся с сентября 1959 года

Генеральный директор Владимир ПРАЧ
Главный редактор Сергей КЛЮЧНИКОВ

Редакция:

Эдуард Геворкян,
Валерия Дараган (ответственный секретарь);
обозреватели — Роман Багдасаров, Людмила Лаврова,
Наталья Лескова, Олег Мраморнов

Дизайн, вёрстка — Илья Башарин

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ВОЛОДИХИН Дмитрий Михайлович,
доктор исторических наук, профессор МГУ
имени М. В. Ломоносова

ГУСЕЙНОВ Чингиз Гасанович, писатель,
доктор филологических наук, профессор

ГУРБАНОВ Княз Гочаг Оглы, журналист,
поэт, критик, литературовед

ПОЛЯКОВ Юрий Михайлович, писатель

СИНЕЛЬНИКОВ Михаил Исаакович, поэт, эссеист,
переводчик, историк литературы

ЯРОШЕВСКИЙ Дмитрий Васильевич,
руководитель Творческого объединения «Созвездие видений»,
член Союза писателей России

Номер выпущен при финансовой поддержке Министерства
цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
За доставку журнала подписчикам ответственность несут предприятия связи

© Журнал «Наука и Религия», 2023

109004, Москва,
Товарищеский пер., 8, стр. 1
(метро «Марксистская»)
Телефоны: 8 (495) 911-01-26
8 (925) 577-19-20
8 (495) 911-38-08

E-mail: nauka.religia.rf@gmail.com

Наш сайт в Интернете:
наука-религия.рф
наука-и-религия.рф

Подписано к печати 24.05.2023
Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная
Офсетная печать
Усл. печ. л. 8,4
Отпечатано 27.05.2023
с готового оригинал-макета
в ООО «ПРИНТ МАСТЕР»,
111250, г. Москва,
ул. Лефортовский Вал, д. 24,
подвал, пом. IV, комн. 5, офис 71.
Тел.: (8332) 228-297,
сайт: www.printtown.ru
Заказ № 0006

В НОМЕРЕ:

-
- 2 КОНФЛИКТНАЯ ЗОНА
С. Кургиян – С. Ключников
Суть нашего времени
-
- 7 ГОРИЗОНТЫ НАУКИ
В. Казначеев, А. Дмитриев, И. Мингазов
Изменения климата и Глобальная Катастрофа
- 12 *С. Калугин, И. Дабахов*
Водород – полезное ископаемое!
- 60 *М. Геворкян*
От больших к малым?
-
- 18 ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
С. Ключников
Тренировка воли
-
- 22 ПРАВОСЛАВНАЯ ВСЕЛЕННАЯ
С. Кашевник
Трактат о Времени
-
- 26 В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ
Г. Мубинова – О. Сёмина
Красота ислама глазами женщин
-
- 32 СТЕЗЯ ДУХОВНАЯ
Д. Арменский
Окна в Царство Света (о художнице Л. Ивановой)
- 36 *Ф. Овчинников*
Служение идеалам добра
- 52 **Шри Матаджи, кто Вы?**
- 53 *Шри Матаджи Нирмала Деви*
Ади Шакти (Сахаджа Йога)
-
- 34 МИР ПРАВОСЛАВИЯ
Т. Умалатов
Юные художники Божьего мира
-
- 41 ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ
Л. Буланов
Остеохондроз и его осложнения
-
- 42 КУЛЬТ И КУЛЬТУРА
В. Винников
Пушкинская голограмма России
-
- 46 ПРОЗА «НиР»
Н. Жукова
О любви
-
- 50 МИР БУДДИЗМА
Д. Соколов
Возрождение традиций
-
- 56 ГЕОКОСМИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ (август – 2023)
-
- 58 ЛУННЫЙ КАЛЕНДАРЬ (август – 2023)

На первой странице обложки коллаж www.123rf.com

Конкурс «Лето Господне» имени И. С. Шмелёва – начинание поистине дерзновенное, длящееся вот уже девять лет подряд. Благословением Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла конкурс – почти ровесник Патриаршей литературной премии (не зря его иногда в шутку называют «Детской Патриаршей», или «Патриаршей для детей», и в подобной шутке – лишь доля смешного). Наши дети... Их работы уже находили приют на страницах «Науки и Религии», и, глядя со стороны, многие родители и педагоги не решаются побуждать юных словесников к письму – «слишком высокий уровень, у нас просто так не получится».

Возможно, данная работа – Наталии Жуковой, лауреата IX конкурсного сезона в старшей возрастной группе (10–11 классы), укрепит подобные страхи, но опубликовать её, пронизанную интонациями русской классической прозы, стоит как вызов тем, кто захочет превзойти эту работу, встать в мысленном ряду рядом с нею.

Это совсем простой рассказ, о девочке и священнике, рядом с которым становится легко. Мне, главному редактору конкурса «Лето Господне», кажется, что ради таких рассказов современная проза и живёт.

Сергей АРУТЮНОВ

Наталия ЖУКОВА

О любви

Твердить: «Как Вы нас понимали!» –
И сокрушаться каждый раз,
Что так рассеянно внимали
Любви Христовой через Вас.
прот. Анатолий Трохин

Ты не смеешь, боишься определить для себя, что есть то прекрасное, бывшее в твоей жизни, как теперь думается, совершенно незаслуженно. Самый безусловный и горький ответ – это прошлое, блекло застывшее в зыбком, стремительно тающем и тут же сгущающемся вновь монохромном тумане тянущейся жизни, но оставившее после себя точчайший солнечный шлейф из голосов и улыбок. Второй ответ – настоящее. Настоящее, потому что ты продолжаешь жить с этим в сердце, и это не даёт упасть на грязное дно, подпитывает внутренние силы и делает веру в Вечность простой и тихой, как робко-хрустальное предрасветное безмолвие.

Ты помнишь то странное начало. Зима – похожая на дружие, с тягучими, как нуга, долгими бархатно-чернильными

вечерами, с электрическим светом уличных фонарей, с искристым снежным бисером сугробов и бурой водянистой кашей на городских дорогах. Ты стоишь в сумраке Покровского придела, наполненного людьми, которых знаешь с детства, сосредоточенных, неподвижных, словно бы глядящих вглубь себя. Из арки сюда, в эту темноту, лётся торжественный, истинно золотой свет, и стройно взмывающие ввысь голоса, и ещё что-то, заставляющее напуганное сердце замирать от величественной необъемлемости идущей службы. Но всё это беспощадно вытесняет суетное беспокойство, тяжким валуном провалившееся в грудь, скомкавшее мысли в колючую встревоженную неразбериху. Два аналога, к которым, сменяясь раз в неопределённый промежуток времени, подходят люди с опущенными головами, теребящие напряжёнными пальцами исписанный листок или рукав, или напротив – холодно-невозмутимые. И тех двоих, кто недвижно принимает приходящих, ты тоже знаешь бесконечно долго для своих десяти лет.

Первый, к которому и нужно идти, чтобы рассказать о своём непослушании родителям и тайноядении,

видится тебе старым, как тот корявый иссохший вяз над рекой, который ты видишь каждое лето в деревне. Ты знаешь, что к нему всегда выстраивается очередь, длинная и медленная, потому что батюшка своим грузным землистым голосом долго-долго говорит что-то каждому стоящему перед ним человеку, и неважно, знаком он с ним несколько десятков лет или пятнадцать минут. Ты знаешь, что и в этот раз батюшка, как и всегда, будет ворчать на тебя, и совершенно не хочешь слушать то же, что днём тебе выговаривала мама. Не хочешь, и всё тут!

Второй же никому ничего не отвечает, только выслушивает грехи, кивает и тихо спрашивает имя. Его ты тоже знаешь, но побаиваешься: в жизни он всегда весёлый, с улыбкой на лице, с добрым словом для каждой встречи. Для тебя это странно и подозрительно. Но сейчас, взвесив все свои страхи в самый последний раз, на трясущихся ногах преодолеваешь расстояние до исповедального аналоя, очертания которого растушёваны пастельно-приглушённым полумраком. Справа тихими ясными огоньками сгорают тонкие свечи, роняя восковые слёзы на позолоченные подсвечники. Глаза Спасителя напротив тебя строго-печальны и полны неизъяснимой живой теплоты. Ты, боясь начать, стараешься набрать побольше воздуха и заранее готовишься к возможному выговору. Глаза поднять, конечно же, не решаешься.

Но вдруг всё каким-то дивным образом преображается: напряжённая тревога вылетает из тебя, словно воздух из стремительно сдувшегося шарика, полутьма, окружающая тебя, будто бы теплеет в неуловимых своих оттенках, и ты, услышав нежданное, но такое, оказывается, важное приветствие, смотришь уже иначе, без испуга и недоверия. Тебя не осуждают. Тебя слушают. Тебя понимают. И твои слова, догоняя друг друга, сталкиваясь и перепрыгивая, складываются в предложения, говоримые свободно и до странности легко.

Служба закончилась. Ты, держа маму за руку, выходишь в глубокий зимний вечер. На туй, смиренно возносящие засахаренную хвою к бездонному куполу неба, ты смотришь с упоённым восторгом. Блестят и перемигиваются кристаллики-звёзды. Морозный воздух свежо и чисто пахнет арбузом, пощипывает за покрасневшие нос и щёки, а ты выпускаешь изо рта облачка белого пара. У тебя в душе маленькая, незаметная ни для кого, но радостная весна. Ты не знаешь, как много или мало эта недолгая исповедь поменяет в твоей жизни, и не знаешь, что этим зимним вечером было положено начало самым ценным моментам твоего будущего.

И снова ночь, только уже не тихая и застывшая в серебряно-кружевном сиянии снега и льда, а совсем иная – жаркая в своём безудержном, охватывающем сердце кипучим трепетом ликования, прохладная в сапфирном шёлке неба, в обнажённости изгибистых чёрных деревьев, в струящейся беглости ветра, сотрясающаяся и звенящая пронзительной вестью о воскресении Христа. Ты, повзрослевшая на год, в самой полной для своей души мере ощущаешь эту светлейшую и величайшую из радостей, рассыпающуюся мурашками по коже и вталкивающую в грудь неведомое тебе доселе торжество. Ты, стоя у входа в храм вместе с остальными певчими, всем своим взволнованным существом отзываешься на каждый стих, поемый батюшками, и вторишь, вторишь голосом восторженному пасхальному трезвону. А самая радостная ночь в году захлёбывается пронзительным ликованием, пока ты обнажённым сердцем остро чувствуешь, что *свершилось*. И в одухотворённо-светлых лицах прихожан, и в переливчатом серебристом пении, и в торжественных возгласах, и в улыбках, и в блеске богослужения – Пасха была для тебя во всем, в каждой незначительной, казалось бы, мелочи.

Это потом ты поймёшь, что такая искренность, такая чистота чувств, такое проживание каждого мгновения не останутся с тобой насовсем. Сердце черствеет, задыхается в путях страстей, не допускающих к тебе близко всю полноту главного. Проходят годы, и ты со стыдом признаёшься себе, что нет более того, что было в одиннадцать. *«Христос Воскресе!»* по-прежнему каждый год трепещет в прозрачном душистом воздухе, вздымаются тающие завитки ладана, канон всё так же стремителен и светозарен, самое Главное остается неизменным, а людские лица вытесняют друг друга или уходят насовсем.

Тебе необыкновенно волнительно в первый раз за всё время клиросного послушания читать канон: не устаёшь в каждую свободную секунду мысленно напомнить себе, какой у тебя припев, внутренне ты так и дрожишь, потому что там, за твоей спиной, – целый храм прихожан, пришедших на праздничную всенощную, и так хочется донести до них всю невыразимую красоту величественных слов!.. Ты совершенно не помнишь себя в тот момент, не чувствуешь окружающих тебя певчих, знаешь лишь, что не смеешь недостойно прославить Господа – и веришь Ему, дающему тебе силы и крепость возносить Ему хвалу. Глубокое торжественно-громогласное пение сливающихся воедино голосов белыми шёлковыми крыльями

взлетает ввысь; бряцает кадило, стройно сияют свечи, и всё пронизано дивным благоуханно-тонким светом. Эти крылья простираются над всей землёй, серебрят лунным блеском водные глади, таинственно шепчутся с листьями в сонных рощах, незримо улыбаются в разливающихся каскадах лучей, дышат горными ароматами на бутоны и цветы, подгоняют нежный ветер, соединяя свою песнь с его – напоённой хрустальной росистой влагой, свежестью облаков и тончайшими полутонами голосов человеческих душ. Всё твоё существо заморожено этой скрытой мощью, властью слов и голоса над сердцем, и ты с трепетом надеешься, что сумеешь не разрушить выстроенные из ладанного дымно-серебристого ажюра и необъятности великого смысла ступени, начинающие лестницу, ведущую в бесконечную высь.

Окончена служба. Потушены лампы, и лишь на одном подсвечнике догорают, изливая восковые слёзы, несколько свеч. В тихом, будто бы смиренном тёплом сумраке двигаются редкие фигуры прихожан, прикладывающихся к иконам, а ты неподвижно стоишь, прислонившись к стене, и, как помнится, ждёшь кого-то из своих. Из нижнего придела, что за твоей спиной, слышны разговоры, жужжание застёгиваемых молний, стук многочисленных шагов. А у тебя здесь, в этой живой тишине, мыслей нет никаких, лишь полное ощущение необычного спокойствия, охватившего взбудораженные маловерием ум и душу. С глухим знакомым звуком открывается северная дверь алтаря, мелькает тёмная фигура – и через придел бодро идёт священник, уже не в праздничном облачении, а в простом чёрном подряснике. Взгляды пересекаются, вы улыбаетесь друг другу, и ты идёшь под благословение. Большая тёплая рука крепко сжимает твои пальцы, и он произносит с неразгаданной тобою мягкой радостью: «Спасибо за чтение». Глаза добрые-добрые, улыбка под чёрными усами светлая и отечески тёплая. Ты, кажется, неловко улыбаешься в ответ и не понимаешь, что только что была произнесена самая большая и самая главная похвала в твоей жизни. Ты осознаешь это совсем не скоро, когда та краткая фраза так и останется особенной и не поддающейся сравнению с тем искренним и многословным, что будут говорить тебе другие люди на протяжении последующих лет.

Наступает лето, длина которому – годы. В этом лете каждый день щедро облит солнечным светом и расписан чистейшими и прозрачно-сочными красками, в калейдоскопе которых кружатся службы, разговоры и серьёзные,

и лучащиеся шутками, встречи, расставания, курьёзы в приходской жизни, неурядицы, размышления... И самое главное пускает и растягивает корни в твоём сердце – осознание, что эти люди, каждый из которых такой особенный, удивительный, неосознанно воспитывающий в тебе что-то своё, составляют твою семью, в которой ты растёшь не столько физически, сколько духовно, в которой ты постоянно учишься не математике и географии, но чему-то обыденно-житейскому, в которой твоя опора и твоё счастье.

В этом лете сосредоточена немыслимая концентрация лучших мгновений, каждая частичка которых обрамлена своим неповторимым цветастым шлейфом сотен переливчатых осколков. Та предновогодняя поездка за шлемом советского танкиста для пополнения дяконской коллекции, в которой ты случайно приняла участие, хранит в себе бледный акварельно-прохладный свет солнца, падающие с неба в вальжном вальсе резные снежные хлопья и взволнованную суету спешащего города. В долгом разговоре у церковного домика с батюшкой, чьего глухого ворчливого голоса и цепляющего самую душу взгляда ты уже перестала бояться, помнишь легчайший звон лопающихся почек на влажных тёмных деревьях, пылающие золотом кресты на храме и шум тёплого весеннего ветра. Часто ты приезжаешь к службе в то же время, что и твой духовник, опираешься на его согнутую руку, и путь от калитки до паперти вы проходите вместе, успевая обсудить какую-нибудь смешную глупость или даже поспорить на философскую тему. В Рождественский пост темнеет рано, зажигаются фонари и лампадки на могилах храмового кладбища, на мутно-синем велюре неба теплятся жемчужными огоньками крошечные звёзды, а под ногами поскрипывает хрусткий снежок – в диалоге больше задумчивого покойного молчания, чем слов; осенью, когда старая плакучая берёза в утреннем рассеянном свете переливается карамельным и медовым золотом листвы, полупрозрачные дымчато-молочные облака кисейными перьями почти цепляются за блестящие купола, а прохлада пахнет влажной землёй, сонной прелостью и яблоками, разговор заходит о голубях и кошках, почему-то именно осенью постоянно бродящих по территории храма; в апреле и мае же, когда всё шелковисто шелестит молодой зеленью, когда распускаются пёстрые неунывающие цветы анютиных глазок и восторженно и наперебой шумят воробьи, беззаботные шутки и смех вылетают сами собой, сливаясь с неутомимо-улыбчивым солнцем, наполняющем собой мир. Ты помнишь ту беседу на деревянной лавочке последним августом, необычно долгую,

после которой ты думаешь, что хорошо бы почаще вот так вот разговаривать обо всём и ни о чём. Лавочка эта стояла и стоит под сосной, среди безмолвных умиротворённых крестов, стройных тёмно-зелёных туи и кустов белой сирени, так свежо и умиротворённо пахнувшей майскими вечерами.

А ещё из твоей памяти не сотрётся исповедь у батюшки, к которому ты не ходила все последние годы. Июль. В открытые окна Покровского придела вползает сладкий густой вечер. Ты стоишь долго, почти ничего не говоря, потому что все твои скрываемые мысли и страхи тают, как кадильный дым, от бесконечно мудрых и попадающих в глубину душевных царапин слов. Напоследок твоя рука оказывается в сомкнутых шершавых ладонях, изрытых сеточкой морщин, а твоё сердце невольно содрогается.

«И помни, что у тебя всегда есть я».

Осень оказывается жестокой ко всем вам. Разумом всё понимаете, но вот как умолить сердце не разрываться на куски и не сочиться обжигающими горькими рыданиями?..

Ты стоишь рядом с певчими, но ни единого звука выдать из себя не можешь – словно голоса обрезали крылья.

Сентябрьское воскресное утро сухое и ясное, с воздухом звенящим, словно хрусталь, и с пронзительной, почти невозможной кристальной голубизной неба. Стены храма блистают белизной. Деревья недвижны в своём пышном убранстве, горящем багряными, янтарными, бледно-зелёными, огненно-золотыми красками, безмолвно и строго внимают протяжной глубокой печали, льющейся в «Вечной памяти». Звенят цепи кадила, завиваются серебристо-туманные струи дыма, прохладный ветер гладит по щекам плачущих прихожан. Два букета душистых белых роз по бокам от креста. Стоишь и пытаешься осознать, что вот уже год прошёл. А через тридцать три дня – год для другого, лежащего неподалёку. Один – на Усекновение, второй – на Покров.

Один тонкий тёплый лучик падает тебе на лоб, и истерзанное сердце пронзает робкая надежда общего соединения в том прекраснейшем Саду, где встречаются все тропинки, где будете совсем избавлены от печали и скорбей, которые сейчас способна приглушить лишь горячая в своей любви к ним, ушедшим от нас, молитва.

В этом скорбном и одновременно светлом, как торжество Пасхи, порыве из души вырывается непростительно дерзкая мольба:

«Господи, сподоби свидеться у Тебя хоть на мгновение!..»

